

раву без слада и памяти, или с темными сказками и скверной памятью, и рядом подчас вырастает цвѣтущий иллюзии духа и жизни от людей маленьких, заброшенных, никнических; оказывается, что и такие люди могут быть цѣлины достоянием жизни и истории, как это рапорт оправдалось на примере рыбарей-апостолов; в связи с этим можно во имя милосердія повторить, что вдовы Пархомен-

Проф. А. Ф. Суликов.

Господа интенданты.

В старом злободневном стихотворении рассказывается:

«Воры—такъ ужъ воры: крупные, съ кокардами;

Кражи—такъ ужъ кражи, чутъ не мильдардами...»

Но почему же, однако, это озаглавлено: «В наше время», то есть отнесенено, кажется, к семидесятым годам прошлого столѣтія, когда эти стихи появились? А в наше время разве не тѣ же? А не перенесли ли мы старое времѧ?

Автор положительно излишне скроменъ: его стихи характеризуютъ не только его времѧ, но и долгий період времени, это же царствіе если и будетъ конецъ, то, вероятно, очень не скоро.

А пока передъ нами интенданты кievские, интенданты московскіе и цѣлыій рядъ другихъ интендантовъ.

Здѣсь, въ Москвѣ, ихъ было бы ровно шестидесять шесть—число, очень напоминающее звѣриное.

Да и самая компания, размѣшивавшаяся на мѣткіхъ диванахъ, тоже носитъ въ себѣ нечто совершенно звѣриное.

Не могу припомнить сейчай ни одного процесса, въ которомъ такъ оскорбительно ярко казалась бы махровый пинза.

Почти во всѣмъ уголовномъ процессѣ мы встречаемъ человѣка, искалеченного жизнью. Тамъ налетѣла страсть, въ другомъ случаѣ показали образъ человѣческой нужды, непорядочности жизненной обстановки; въ третьемъ—непорядочности психики, выраженіе, патологический аффектъ—и сплошь и рядомъ не знаешь, кто же сидитъ въ концѣ концовъ, на скамье подсудимыхъ: преступникъ или жертва?

Карать ли его надо, или плакать надъ

нимъ, да благодарить Господа въ юрисдикціи мольбы, что мы съ вами поставляемъ въ лучшія условія, и смотримъ на него изъ глубины?

Такъ въ большинствѣ уголовныхъ процессовъ.

А если и встрѣчается господинчикъ, не имѣющій ни одного изъ этихъ смягчающихъ обстоятельствъ, то по крайней мѣрѣ действовалъ онъ обыкновенно за свой рѣкъ и страхи, въ одиночку.

А тутъ—поглядите, сколько однихъ дивановъ понадобилось, чтобы размѣстить этихъ господъ въ муниципахъ, съ одренами, чихахъ, доло слушливыхъ и обратившихъ свою службу въ одно сплошное, правильнѣ организованное, почти не скрываемое проступленіе.

Дѣствовали, другъ отъ друга не тася, сообща; какъ самые большие изъ нихъ, носящіе генеральскую эполету, такъ и самые маленькие, до простыхъ солдатъ, состоящихъ при интендантахъ включительномъ.

Видя, какъ вокругъ всѣ хапаютъ эти солдаты и сами требовали—да, именно требовали—отъ поставщиковъ и свое маљенько зернышко.

— Что? пять пѣсоковыхъ на чай на тридцать человѣкъ? Если не прибавите, увидите, какую мы пакость подстроимъ...

ка и съ 6 дѣтей, проживаетъ въ неизѣтѣ, въ с. Блокопиши (Стольное), Чиркитовской губ., и нуждаются въ помощи, и всякая помощь, буде въ отрицаніи постѣнчика, окажется, что и такие слѣдствія наложены спасшаго Україну и хранилия ея лучшаго исторического достоянія.

Проф. А. Ф. Суликовъ.

кѣ черной лѣстини. Пѣть, это рѣшительно не естѣстственно.

«Перенесишу значительнымъ вѣтромъ, выходитъ изъ черной лѣстини, и тамъ наставника пручаетъ усвоеніемъ».

Это годилось бы для старыхъ, дореформенныхъ ханз, но наше времѧ должно

быть выработано болѣе деликатными приемами.

Разѣль пельза это было производить

тѣлъ-нибудь изъ кабинетъ ресторана, вы

шинъ при этомъ хорошаго вина, сѣть

котлетку маршала изъ рабѣтника, заку

сивъ анаисомъ?

Однако, не будемъ обращать вниманія

исключительно на недостатки и устремимъ

свой взоръ на достоинства.

Въ наукѣ братъ въ моменѣничать была

достигнута огромная вырвузность.

Кто очаровательно было это забро

ваніе супа, которое не трогалось съ ме

ста и черезъ часъ принималось по дуго

бумажкѣ, подъ видомъ другой картины!

И строгость пріемной комиссіи на лицо, и обходительность поставщика никакъ безъ

котейстъ...

А вѣнѣніе, круговоращающееся солат

съ салою? Интенданское ретрети

мъ?

Дѣжалось это такъ:

Создать продавать полученные никакъ

негодные саноны склоницу за полтора руб

ля, припичивать съ кровью деньги, а

покупать саноны годные. Скунсики по

два рубля продавали поставщикъ, который

ихъ сѣфировали; тотъ снова постав

лялъ ихъ за пѣну до семи рублей интен

дантъ; интенданство отдавало солдатамъ, солдаты продавали, поставщики по

купали, перепродавали интенданству, ин

тенданство... вотъ вѣмъ и вѣчно движе

тисъ изъ побѣговъ!

А какая экономія на производство са

лится при этой круговоращающейся пар

ти... А какъ трогательно это рѣшительное

нежеланіе господъ интенданства склони

ти даже тогда, когда уже грянули громы,

когда у поставщиковъ были отобраны кип

ги, когда было высказано—кто и сколько

бралъ:

Поставщикъ заявляетъ интенданту, что

онъ уже отобрали подпись, что же

дѣлать дальше? а интенданецъ говоритъ:

— Сѣдѣтъ съ сѣдѣтъ, а усаживаю

тесь ты все-таки подавай.

Это ужъ какой-то азартъ; это ужъ люд

ники до безкрайности; послѣ этого можно

склонить, что силия на дынѣѣ подгот

вимъ, когда будутъ проходить мимо нихъ

поставщики, пѣсни, пѣсни, пѣсни...

На ливнахъ, где сидѣть въ качествѣ

подсудимыхъ и нѣкоторые изъ поставщи

ковъ, начиная съ пріемной комиссіи

и кончая судомъ, по той

причинѣ, что работѣть здесь очень

трудно и страдальчески.

Фурии, где сидѣть въ качествѣ

подсудимыхъ, по пріемной комиссіи

и кончая судомъ, по той

причинѣ, что работѣть здесь очень

трудно и страдальчески.

Чинъ пріемной комиссіи, принадлежа

щему къ интенданству, по пріемной комиссіи

и кончая судомъ, по той

причинѣ, что работѣть здесь очень

трудно и страдальчески.

И капитанъ Чеботаревскій даетъ по

доброе объясненіе:

— Я былъ назначеннъ въ московскую

пріемную комиссию, —расказывалъ онъ,

— въ январѣ 1905 г. и прибылъ здесь

6 мѣсяцевъ. По прибытии въ комиссию

онъ отрѣзъ въ первый отдѣлъ, прини

мавшій отъ поставщиковъ сухое.

Фурии въ комиссію, где сидѣть въ

какомъ-нибудь прѣдѣлѣ, по пріемной комиссіи

и кончая судомъ, по той

причинѣ, что работѣть здесь очень

трудно и страдальчески.

Чинъ пріемной комиссіи, по пріемной

комиссіи и кончая судомъ, по той

причинѣ, что работѣть здесь очень

трудно и страдальчески.

Чинъ пріемной комиссіи, по пріемной

комиссіи и кончая судомъ, по той

причинѣ, что работѣть здесь очень

трудно и страдальчески.

Чинъ пріемной комиссіи, по пріемной

комиссіи и кончая судомъ, по той

причинѣ, что работѣть здесь очень

трудно и страдальчески.

Чинъ пріемной комиссіи, по пріемной

комиссіи и кончая судомъ, по той

причинѣ, что работѣть здесь очень

трудно и страдальчески.

Чинъ пріемной комиссіи, по пріемной

комиссіи и кончая судомъ, по той

причинѣ, что работѣть здесь очень

трудно и страдальчески.

Чинъ пріемной комиссіи, по пріемной

комиссіи и кончая судомъ, по той

причинѣ, что работѣть здесь очень

трудно и страдальчески.

Чинъ пріемной комиссіи, по пріемной

комиссіи и кончая судомъ, по той

причинѣ, что работѣть здесь очень

трудно и страдальчески.

Чинъ пріемной комиссіи, по пріемной

комиссіи и кончая судомъ, по той

причинѣ, что работѣть здесь очень

трудно и страдальчески.

Чинъ пріемной комиссіи, по пріемной

комиссіи и кончая судомъ, по той

причинѣ, что работѣть здесь очень

